

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.О. ХАБЕНСКАЯ

КСЕНОФОБИЯ РЕАЛЬНАЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ

В современном российском обществе проблема ксенофобии и национализма берет начало, прежде всего, в виртуальном пространстве. Именно средства массовой информации (телевидение, газеты, интернет) формируют у обывателя представление об усилении националистических манифестаций в последние годы, росте ксенофобических настроений в обществе, натуралистично выписывают образы националистов-ксенофобов и их жертв.

Несведущие в «этнических» вопросах журналисты делают свои издания и каналы рупором правозащитников — «борцов с ксенофобией», которые превращают их в арену борьбы с праворадикалами, делая достоянием общест­венности малоизвестные имена идеологов «русского национализма» и, таким образом, невольно популяризируют их идеи и деятельность.

Столкновение двух дискурсов — правозащитного и праворадикального — и борьба с ксенофобией в виртуальном пространстве усиливают ее реальные проявления. Обратной стороной видимой «полярности» взглядов и деятельности праворадикалов и «борцов с ксенофобией» является их глубокое концептуальное родство, связанное с необоснованной объективацией «эт­носа» («этничности»).

Ключевые слова: ксенофобия, национализм, этничность, этнический, дискурс, правозащитники, праворадикалы, примордиализм, конструктивизм.

Нарастание национализма и ксенофобии сегодня является едва ли не самой обсуждаемой темой в российских масс-медиа и одной из наиболее острых и болезненно воспринимаемых рефлексирующей частью общества проблем. Каждое новое сообщение о нападении или убийстве на почве «национальной» или «расовой» ненависти вызывает бурный эмоциональный отклик в СМИ и полемику между оппонентами во взглядах на эту проблему. Представители «либерального

Хабенская Елена Олеговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора сравнительных этносоциологических исследований Института Африки РАН. **Адрес:** Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. **Телефон:** 8 (903) 732–23–19.

Электронная почта: eoh@rambler.ru.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 06–01–02087а.

лагеря» обличают власть, призывая ужесточать наказание за экстремизм, ищут причины расистских проявлений в якобы имманентных для этнического большинства ксенофобных установках и настроениях. Их оппоненты из числа национал-патриотов, напротив, видят в росте националистических настроений и даже в нападениях скинхедов реакцию самозащиты «коренного» населения («этнического большинства») от культурной и экономической экспансии «понаехавших» иноэтничных мигрантов, ответ проснувшегося русского самосознания на «агрессию инородцев».

Сразу отметим, что здесь и ниже мы будем использовать термины «национализм» и «ксенофобия» в узком значении этих понятий, имея в виду «этнический» (а не гражданский) национализм и «этническую» (а не социальную) ксенофобию.

В переводе с древнегреческого, ксенофобия — это страх перед чужим, другим, неизвестным. А страх, как правило, порождает неприязнь, ненависть. По определению психолога А.А. Леонтьева, «ксенофобию можно представить как социально-психологическое явление, при котором образ врага во многом создается воображением» [18, с. 7]. Согласно А.А. Кельбергу, ксенофобия — «опредмеченная, овеществленная, материализованная, снабженная идеологической концепцией иллюзия чужого и незнакомого, при осознанной беспомощности перед ним, когда появляется... фантастический страх, который освобождает от всякой ответственности за образ мыслей, а в крайних экстремальных состояниях — и за образ действий» [10, с. 49]. Более развернутое определение этого феномена предлагают М.В. Кроз и Н.А. Ратинова. Они обозначают ксенофобию как «негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе (но прикрывающееся псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям — «чужакам», «иным», «не нашим» [14, с. 4]. Ксенофобия проявляется «в соответствующих социальных установках субъекта, предрассудках и предубеждениях, социальных стереотипах», при этом иррациональная природа данного отношения, как правило, не осознается субъектом, но «может быть выявлена “со стороны”, также как и защитный, псевдорациональный характер аргументов, выдвигаемых ксенофобом для обоснования своих убеждений» [14, с. 4]. По мнению И.С. Кона, «подобно другим социально-психологическим явлениям, ксенофобия коренится как в общественном, так и в индивидуальном сознании», а «люди всегда склонны воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной группы, выступающей в качестве эталона» [12]. Отсюда следует этноцентристская логика: «Мы (свои) лучше, чем Они (чужие)». Истоки этой логики коренятся, по убеждению ученого, в древнейших обществах, где «подозрительно-враждебное отношение к чужакам было необходимым условием

формирования и поддержания единства и идентичности собственной родоплеменной группы». Исследователь подчеркивает, что в современном поликультурном мире ситуация и психология людей постепенно меняются: «По мере расширения, усложнения и интенсификации межгруппового общения, образы “Других” дифференцируются, окрашиваясь разными эмоциями, в зависимости от характера конкретных межгрупповых отношений. Инаковость, непохожесть может вызывать не только отрицательные, но и положительные чувства, интерес, потребность во взаимодействии и обмене». При этом «понятия “Другой”, “Чужой”, “Посторонний” предполагают разное социальное расстояние и имеют неодинаковую эмоциональную окрашенность» [12].

Как видим, определения разных авторов в целом близки по сути — все они описывают ксенофобию как феномен психологический, связанный со страхом и (или) агрессией, искажающими для индивида восприятие иного и непонятного, вследствие чего образ «чужого» субъективируется и наделяется мифологизированными чертами.

Труднее дать определение «этнической» ксенофобии или, иначе, этнофобии, поскольку здесь мы сталкиваемся с необходимостью определить исходный термин, то есть «этнос», что представляет собой особую сложность, так как приемлемое определение последнего никем пока не предложено. Поскольку моя задача в рамках данной статьи гораздо скромнее, чем решать глобальные теоретические противоречия этнологии, замечу лишь, что придерживаюсь конструктивистских, в широком смысле, взглядов на те феномены, которые принято называть «этническими», то есть исхожу из того, что понятие «этнос» не описывает специфические социальные общности с четкими границами, отличные от других по устойчивому набору параметров, но является интеллектуальной конструкцией, которая, по желанию конструирующего субъекта, может применяться к различным культурным группам (неопределенные и «подвижные» совокупности индивидов) по различным основаниям (характеристикам). В современном обществе, тяготеющем к мультикультурализму, представители так называемых «народов» давно уже не объединены ни государственными, ни языковыми, ни конфессиональными, ни, часто, даже культурными границами (ничем, кроме так называемой исторической памяти, которая есть не что иное, как миф об общем происхождении). По выражению Ю. Арутюняна, «этнос» — это родовое понятие, а «национальность — категория, объединяющая чрезвычайно разнородные группы людей» [2]. В связи с этим, реальным в той или иной степени является только этническое (по сути — культурное) самосознание, в соответствии с которым человек идентифицирует себя с той или иной этнокультурной группой, которая сама по себе есть мифологизированный конструкт в голове субъекта.

Национализм в «этническом» смысле — это, соответственно, идеология, основанная на идее превосходства «своей» этнокультурной группы над «другой» (другими). Эмоциональной и психологической подпиткой национализма всегда является ксенофобия.

В современном дискурсе по проблеме ксенофобии все активнее используется термин «расизм». В среде правозащитников и близких к ним экспертов расизмом нередко называют любые проявления ненависти, основанной на межгрупповых различиях. В качестве групп и, соответственно, объектов ненависти могут выступать как этнические или расовые¹ сообщества, так и разного рода молодежные и прочие объединения (вплоть до объединений сексуальных меньшинств), имеющие свои культурные маркеры (панки, готы, скейтеры и т. п.). При этом термин «расизм» фактически становится синонимом «ксенофобии». Различие значений этих двух терминов поясняет В.С. Малахов: «Некоторые полагают, что расизм свойствен людям в той мере, в какой им свойственна ксенофобия — боязнь чужого и враждебность к чужому. Но ксенофобия спонтанна и спорадична, расизм же предполагает некоторую связную совокупность взглядов» [16]. Исследователь обращает внимание на то, что современный расизм отличается от «классического», делившего человечество на отдельные, «замкнутые в себе и находящиеся в строгой биологической иерархии группы (“расы”», из которых одни оказываются интеллектуально или культурно выше, а другие ниже». Современный, «культурный», расизм носит «рафинированный», «сублимированный» характер, он «решительно отходит от биологизма», но при этом его адепты утверждают, по сути, то же, что их предшественники: «естественность — и потому неустранимость — различия». Проследивая историческое развитие этой идеологии, автор приходит к выводу, что сегодня расизм трансформировался на массовом уровне в идею защиты «инакости» и культурной отличительности и в такой форме «вербует себе новых и новых сторонников, большинство из которых об этом даже не догадывается» [16]. (*«Классический расизм считал, что ценности западноевропейского (читай — белого) человека полагались всеобщими и, соответственно, обязательными для человечества как такового. Из этой посылки следовало, что всем, кто до этих ценностей не дозрел, последние необходимо привить. Сублимированный расизм отказался от этой идеи. Он заметно помягчел. Не надо никому ничего навязывать, говорят его приверженцы. У всех должно оставаться право на инакость. Пусть все живут там, где родились. Никаких смешений. Никаких размываний границ. Причем размывать границы непозволительно не потому, что от этого пострадает чистота крови, а потому, что пострадает инакость. Культурное*

¹ В узком смысле слова, как производное от антропологического понятия «раса».

своеобразие — то, что делает “нас” и “их” непохожими — понесет ущерб. Нетрудно заметить, что движение этой весьма рафинированной аргументации направляется тем же мотором, что приводил в движение “классический” расизм. Этот мотор — страх смешения» [16].

Выводы В.С. Малахова о трансформации современного расизма, который «смягчился» и поменял форму, как будто лишь затем, чтобы адаптироваться к либеральным веяниям времени, но по сути остался тем же, чем был, сохранив свою идейную основу и завоевав сердца новых адептов, тесно смыкаются с поднятой в нашей работе проблемой пространства, где рождается и вырастает ксенофобия (и ее производные — национализм и расизм). Наблюдение за трансформацией этого явления в российском обществе (и в мире) на протяжении последних 10–15 лет приводит к выводу, что в век развития информационных технологий ксенофобия все больше смещается из пространства реальной жизни в пространство виртуальное. Более того, именно в этом виртуальном пространстве (информационном поле) конфликты и противоречия между людьми или группами и приобретают статус «этнических», «расовых» или «межнациональных». И в этом смысле можно утверждать, что любая проблема подобного рода рождается на страницах печатных и электронных изданий или в эфире радио и телевидения.

Средства массовой информации не просто формируют у обывателя представление о «нарастании» ксенофобии и национализма в обществе, но и непосредственным — иногда косвенным, а подчас и прямым — образом влияют на их проявления в реальной жизни. Так, рост популярности националистических идей среди российских («русских») подростков в последние годы обусловлен не только объективными причинами (национализм «меньшинств» в республиках в 1990-е гг., поощряемый властью, увеличение доли иноэтничных мигрантов в крупных городах, заполнение ими ряда социальных ниш и т. д.), но — и в очень большой степени — усилением праворадикального дискурса (манифестации идеологов национализма в публичных выступлениях, печати, интернет-пространстве). В свою очередь, этот дискурс является «отражением» и обратной реакцией на дискурс «борцов с ксенофобией», поборников коллективных «этнических» прав (от некоторых ученых до правозащитников и журналистов). «Зеркальность» и, одновременно, родство дискурсов и деятельности правозащитников, с одной стороны, и праворадикалов — с другой, становится очевидна уже из анализа соответствующих информационных лент. Первые «кошмарят» обывателя образами скинхедов, которые толпами бродят по столице и безжалостно расправляются с носителями «неславянской внешности»; вторые пугают аналогичными «стаями» нерусских гастарбайтеров, не просто «понаехавших» в российские города, но пытающихся установить здесь свои «варварские» законы.

Вот типичный пример того, как происходит «этнизация» уголовного преступления в средствах массовой информации. В Москве убит подросток — уроженец Кавказа. Его зарезали четверо молодых людей. Никаких данных о том, что это были скинхеды и что убийство произошло на почве «национальной ненависти», нет. Тем не менее, сайты, освещающие «этническую проблематику», незамедлительно интерпретируют происшествие как очередное националистическое убийство, подчеркивая закономерность случившегося соответствующими заголовками новостей, например, такими: «В Москве участились убийства уроженцев Кавказа» [3]. А вот «зеркальный» заголовок на сайте одиозного Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ): «В России иммигранты все чаще нападают на русских» [20].

Таким образом, правозащитные и национал-патриотические организации функционируют по принципу «зеркального эффекта». Так же строится и их идеология. И те, и другие борются с одним и тем же «злом» — ксенофобией, но понимают ее «обратным» образом. Защитники прав «этнических меньшинств», с одной стороны, и «русской идеи» — с другой очень близки в своей риторике, только движутся к единому (идейному) центру как бы с разных полюсов: там, где у одного плюс, — у другого минус.

Сравним, к примеру, заявление Всероссийского азербайджанского конгресса (ВАК), сделанное в июле 2006 г. в связи с антиазербайджанскими выступлениями Движения против нелегальной иммиграции на митинге против установки в Москве памятника Гейдару Алиеву, с текстом аналогичного заявления, размещенного по тому же поводу на одном из праворадикальных сайтов. В заявлении ВАК отмечается: «Участившиеся в последнее время в Москве и других российских городах факты проявления ксенофобии, национализма, дискриминации по национальному признаку вызывают серьезную озабоченность общественных объединений и организаций...» [5]. В тексте праворадикалов, почти слово в слово повторяющем ваковский, также выражается озабоченность ростом ксенофобии, но уже не «русской», а «азербайджанской», направленной, по утверждению авторов заявления, против этнического большинства: «Участившиеся в последнее время в Москве и других российских городах факты проявления ксенофобии, национализма, дискриминации по национальному признаку со стороны представителей азербайджанской диаспоры по отношению к коренному населению России вызывают серьезную озабоченность русских общественных объединений и организаций» [17].

Оборотной стороной видимой «полярности» взглядов и деятельности праворадикалов и «борцов с ксенофобией» является их глубокое концептуальное родство, выражающееся в схожей интерпретации «этничности»: объективации «культурной отличительности», мифологизированной привязке моделей поведения индивида к «национальному характеру», а последнего — к фенотипу.

Поясним, что, говоря о «правозащитном» дискурсе, мы имеем в виду трансляцию некоей идеологии (характерной, конечно, не только для правозащитников), которой руководствуются большинство организаций, чья деятельность прямо или косвенно связана с защитой «прав этнических меньшинств» или с освещением этой проблематики в информационном поле². В основе этой идеологии лежит определенная интерпретация этнических феноменов, которая теоретически обосновывается не столько правозащитниками, сколько некоторой частью ученых — этнологов, социологов, философов. Далее эта интерпретация воспринимается экспертами, аналитиками, журналистами, политиками, общественными деятелями и т. д., порождая целый ряд других дискурсов — тех, которые уже непосредственно влияют на обывателя и формируют в конечном итоге массовое сознание. Отметим, что и процесс обратного воздействия также имеет место, то есть витающие в обществе настроения ксенофобии и мигрантофобии, в свою очередь, оказывают влияние на все перечисленные выше дискурсы и находят в них отражение. (Заметим, что на формирование массовых настроений в сфере межэтнического взаимодействия влияет, конечно, и целый ряд вполне объективных, например, социально-экономических, факторов). Таким образом, говоря о «правозащитном дискурсе», мы прежде всего имеем в виду некое теоретическое обоснование, лежащее в основе правозащитной и околоправозащитной деятельности, направленной, согласно видению тех, кто ее осуществляет, на борьбу с ксенофобией и/или на формирование в обществе толерантных установок. В реальности результат этой деятельности часто оказывается обратным: навязывание неготовому к либеральным ценностям обществу идей толерантности только усиливает ксенофобию. Попробуем вкратце обосновать, почему.

В основе указанной идеологии «борцов с ксенофобией» лежит несколько деструктивных посылок. Во-первых, это группоцентризм (этноцентризм), вытекающий из так называемого примордиалистского (или объективистского) подхода к «этносу» как реально существующему целому, наделенному, помимо общих культурных и прочих характеристик, еще и общими правами, а значит, способному подвергаться коллективной дискриминации (нарушению прав). Движимые идеей коллективной правосубъектности правозащитники, вместо того чтобы противостоять дискриминации или иному нарушению прав

² Называя те или иные группы «меньшинствами», мы ориентируемся исключительно на количественный (численный) фактор и не вкладываем в это понятие никаких качественных характеристик. Соответственно, в России, где, согласно данным последней переписи, более 80% граждан считают себя русскими, носители иных этнокультурных идентичностей могут быть условно обозначены как «меньшинства».

индивида по этническому (расовому и пр.) признаку, пытаются защищать мифические «этноты» (то есть «пушистые множества» с размытыми границами). В результате под защиту часто попадают совсем не те, кто в ней реально нуждается.

Ярким примером может служить борьба ряда правозащитных организаций за «права цыган». Поскольку ориентация правозащитников на идею коллективных этнических прав мешает дифференцированно рассматривать сложные социально-конфликтные ситуации, в которые вовлечены представители этого меньшинства, под крылом этих объединений, наравне с обездоленными представителями данной условно очерченной группы, нередко оказываются и процветающие наркобароны. В защите от последних, напротив, нередко нуждается местное население. Сюжет, посвященный «цыганским погромам», является одним из наиболее предвзято освещаемых журналистами и интерпретируемых правозащитниками. Таковые (погромы) почти всегда усматривают в криминальных разборках, связанных с конкуренцией на рынке наркобизнеса, а также в участившихся попытках местного населения «наркорайонов» собственными силами бороться с наркотрафиком. Так, поджоги домов наркоторговцев-цыган в г. Искитиме Новосибирской области однозначно интерпретировались как проявление ксенофобии и «этнической ненависти» по отношению к «цыганскому народу» [11], хотя вполне очевидно, что провоцирующим ненависть фактором здесь являлись именно наркотики. Разумеется, вовлеченность многих представителей этой этнокультурной группы в криминальный наркобизнес дает почву для необоснованных обобщений и негативных этнических стереотипов, распространяющихся среди обывателей. Однако это не повод путать причину и следствие: цыган «жгут» не за то, что они цыгане, а потому, что многие представители этой группы активно вовлечены в наркоторговлю. Предвзятая убежденность правозащитников и представителей ряда СМИ в укорененности в российском обществе антицыганских настроений и рассмотрение этих настроений как автономной проблемы порождает недифференцированный подход к любому конфликту, в который вовлечено цыганское население. В результате возникающие в разных регионах ситуации, имеющие различные причины и контекст и никак не связанные между собой, интерпретируются как «звенья одной цепи» и объясняются главным образом ростом ксенофобических настроений по отношению к цыганам. Так, упомянутые выше искитимские «погромы» 2005 года (являющиеся по сути криминальной разборкой между цыганскими наркобаронами и местными «братками», не поделившими сферы влияния) ставятся в один ряд с другими событиями: с административным конфликтом между мэром Архангельска, поднявшим вопрос о сносе незаконных построек, и местным табором; с

налетом группы пьяных подростков на палаточный лагерь цыган в г. Волжском Волгоградской области, закончившимся убийством нескольких человек (апрель 2006 г.). Первопричиной всех трех ситуаций правозащитники и транслирующие их позицию журналисты склонны считать антицыганские настроения. Итоговым выводом из этого следует: «Дискриминация цыган... это государственная политика, целиком разделяемая российскими средствами массовой информации» [1].

Другой пример — поиск правозащитниками «языка вражды» в этнически окрашенных анекдотах. Так, по мнению Марии Розальской, анекдоты про чукчей являются проявлением «расизма», «ксенофобии» и «колониального снобизма», «насмешки “цивилизованного” над “дикарем”», а существование анекдотов про евреев свидетельствует о наличии в стране антисемитизма [19]. Хочется спросить автора: а чем тогда, по ее мнению, являются многочисленные анекдоты про русских — плод устного творчества носителей, по большей части, именно русской идентичности? Конечно, нельзя сказать, что выводы автора совсем ни на чем не основаны. Анекдоты на «этническую» тему могут быть ксенофобными в большей или меньшей степени, могут вообще не быть таковыми. Само их наличие и распространение ни в коей мере не может являться мерилем уровня расизма и ксенофобии в обществе и не дает оснований для глобальных выводов и обобщений, основанных по большей части на эмоциях и формирующих другие — встречные — фобии. (Думаю, большинство советских граждан, рассказывавших анекдоты про чукчей, никогда не встречались вживую с героями этих анекдотов, и, соответственно, вряд ли могли испытывать неприязнь к носителям чукотской культуры.) Подобное «сгущение красок» вокруг проблемы ксенофобии, расизма и дискриминации этнических меньшинств, к сожалению, весьма характерно для «правозащитного дискурса». При этом эмоции, естественно, идут в ущерб объективности, создавая и навязывая читателю ложную логику.

Среди правозащитников особенно принято выделять в качестве самостоятельной проблемы антисемитизм. К примеру, доклад Московского бюро по правам человека (МБПЧ) о ксенофобии российских законодателей называется «Национализм, ксенофобия и антисемитизм в Государственной Думе РФ»³. Таким образом, уже в заголовке подчеркивается, что антисемитизм интерпретируется авторами доклада как особый вид национализма. Учитывая, что среди борцов с ксенофобией много носителей еврейской идентичности (либо тех, кто воспринимается в общественном сознании в качестве таковых), подобное

³ См., например: [21].

повышенное внимание к этой проблеме только усугубляет последнюю, так как часто воспринимается как проявление «еврейского» этноцентризма и этноизоляционизма.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют одну из основных концептуальных особенностей «правозащитного дискурса» — его представители традиционно говорят о ксенофобии и национализме применительно к этническому большинству (русским). Агрессия же представителей меньшинств либо не интерпретируется в этническом контексте, либо оправдывается как реакция самозащиты. Таким образом, уже само использование этих понятий в правозащитном лексиконе априори предполагает, что речь идет о чувствах и действиях представителей этнического большинства по отношению к меньшинствам. Так, по мнению Л. Гудкова, «ксенофобия медленно поднималась на всем протяжении постсоветского времени, но особенно сильно — именно в годы путинского правления, косвенно поощряемая и поддерживаемая усилиями властей...» [7, с. 60]. То, что исследователь под ксенофобией понимает именно и только настроения «этнического большинства», становится очевидным из данного им определения, в котором «этнические фобии» и «неприязнь к мигрантам» используются как синонимы.

Подобное избирательное использование термина, как правило, идет в ущерб объективности при интерпретации тех или иных событий и процессов. Так, из описания правозащитниками динамики роста ксенофобии в России, как правило, выпадает «бум этничности», поразивший практически все без исключения «национальные» республики в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Он ознаменовался как раз всплеском ксенофобских настроений и национализма среди представителей «титulyных» групп по отношению к русским. Как известно, эти процессы, хотя далеко не только они, в ряде республик Северного Кавказа, в Якутии, Башкирии, Татарии и др. вылившиеся в дискриминацию «нетитulyного», преимущественно русского, населения, оказали прямое воздействие на изменение массовых настроений россиян: маятник ксенофобии качнулся в сторону русского национализма.

Не менее конфликтогенна и концентрация на одном групповом субъекте ксенофобии и полное или частичное игнорирование других. Так, в ежегодном докладе уже упомянутого МБПЧ за 2005 г. [23] значительное место было отведено критике (вполне справедливой) законопроекта «О русском народе» как этноцентристского и националистического в своей основе. Однако ни слова не сказано о том, что на территориях практически всех «национальных» субъектов РФ были в 1990-е гг. провозглашены и законодательно закреплены в местных конституциях особый статус и ведущая роль «титulyных наций». Проект закона «О русском народе» родился именно в то время в качестве «ответа» русских национал-патриотов на националистическую

политику региональных лидеров, и его формулировки практически дублируют аналогичные этноцентристские постулаты в республиканском законодательстве⁴. Соответственно, адекватным было бы указание на неправомерность вообще подобного группоцентристского подхода, провозглашающего некий «народ» на некой территории «титulyным» или закрепляющего любые иные преференции по этническому признаку.

Слишком пристальное внимание к проблеме ксенофобии и национализма, а особенно попытки избирательной «борьбы» с их проявлениями, только усугубляют ситуацию, вызывая у противоположного лагеря (национал-патриотов) естественную ответную реакцию. В этом смысле особенно вредны исследования, изучающие проявления ксенофобии по отношению к определенной этнической или религиозной группе. Повышенное внимание к определенной группе, создание образа «самой обиженной», «наиболее дискриминируемой» группы ничуть не способствуют толерантному отношению к ее представителям, в том числе — со стороны других групп (меньшинств), представители которых могут чувствовать себя не менее «обиженными» и считать, что вправе претендовать на аналогичный «статус» в общественном дискурсе.

Хотя на первый взгляд может показаться, что все правозащитные организации и центры работают в одной парадигме и при изучении ксенофобии и национализма используют единый подход, на самом деле все не так однозначно. Представление об однородности правозащитной среды питается стереотипом о «казачьем» характере деятельности правозащитников: мол, все подобные организации «сидят» на западных грантах и выдают ту интеллектуальную продукцию, которую от них хотят получить грантодатели. В реальности эта среда столь же неоднородна, как и любая другая. Одна организация подчас объединяет людей, которых трудно назвать единомышленниками, под одним грифом и даже в одном сборнике могут выходить тексты идейно оппозиционные. В конечном итоге все определяется не столько «казачьим», сколько объективностью, адекватностью и профессионализмом конкретного автора, который исследует проблему. В качестве иллюстрации можно привести уже упомянутую организацию Александра Брода — Московское бюро по правам человека (МБПЧ), которое возникло в 2002 г. в связи с получением ее основателем крупного гранта Европейской Комиссии на организацию «Общественной кампании по противодействию расизму, ксенофобии, антисемитизму и этнической дискриминации» в РФ. За последующие три

⁴ В 1990-х гг. практически все «национальные» республики РФ включили в свои конституции постулаты о том, что данная «национальность» является титульной на данной территории.

года в рамках заявленной темы под грифом МБПЧ были опубликованы статьи и доклады многих не связанных напрямую с Бюро экспертов, в том числе и профессиональных этнологов. К сожалению, почти все авторы были заняты исследованием национализма «этнического большинства», а их работы — выдержаны в той самой этноцентристской парадигме. В то же время обнародованный в 2005 г. аналитический доклад одного из экспертов МБПЧ Семена Чарного «О русофобии явной и мнимой», напротив, написан с позиций прямо противоположных и посвящен проблеме национализма «меньшинств» в российских республиках. При этом автор доклада фиксирует внимание читателя на «однбокости» в освящении проблемы национализма правозащитниками и на реакцию национал-патриотов, которую эта однбокость провоцирует: «Правозащитные организации, работающие в России и занимающиеся проблемами дискриминации по национальному признаку, в основном посвящают свои доклады национализму этнического большинства в отношении этнических меньшинств. Это вполне объяснимо, поскольку именно проявления этого национализма бывают особенно громкими — десятки убийств, сотни нападений, агрессивные пропагандистские кампании в СМИ. Национализм меньшинств обычно остается “за кадром” и фактически отдается на откуп “профессиональным патриотам”, делающим на этом политическую карьеру и запугивающим граждан России апокалиптическими картинами» [23].

Научный дискурс по проблеме ксенофобии и национализма, также как и правозащитный, никак нельзя назвать однородным. Более того, между ними вообще трудно провести четкую грань, поскольку, к сожалению, сегодня значительная часть (если не большинство) российских ученых-гуманитариев продолжают советскую теоретическую традицию и по-прежнему придерживаются объективистских взглядов на этнические феномены, что автоматически сближает их с позицией большинства представителей «правозащитного», а иногда и «праворадикального лагеря». (Напомним о скандальной ситуации 2004 г. вокруг судебного процесса над праворадикальным издателем Виктором Корчагиным, обвиненным в «возбуждении национальной и религиозной ненависти». Тогда привлеченные по делу эксперты — сотрудники РАН доктор философских наук Е.И. Степанов и кандидат философских наук А.Н. Самарин не нашли в опубликованных Корчагиным и очевидно националистических текстах признаков «разжигания розни» — взгляды ученых оказались весьма близки к взглядам подсудимого, экспертизу по делу которого они проводили. В итоге обвинение признало экспертизу недействительной и назначило новый состав экспертной комиссии.) [8]. Среди наиболее объективных и непредвзятых российских исследований по проблемам национализма и ксенофобии хочется выделить работу этнолога Виктора Шнирельмана «Очерки современного расизма», в которой автор дает полный и

высокопрофессиональный анализ как реальному бытованию расизма (ксенофобии) в России и в мире, так и состоянию умов и науки в этой сфере [24].

Что же в реальной жизни представляет собой явление, которое так по-разному описывается в различных дискурсах? Ксенофобия по природе своей многовекторна. Будучи основана на страхе и порожденная страхом агрессии, она, как правило, не «зациклена» на каком-то одном объекте, но может быть направлена на несколько объектов одновременно или же менять направление в зависимости от ситуации. В этом смысле «этническая ксенофобия» в чистом виде — это миф. Этнофобия имеет ту же природу, что и ненависть к сексуальным меньшинствам, бомжам или просто иначе выглядящим ровесникам (характерно, что объектами нападений одних и тех же групп скинхедов часто становятся не только иноэтничные, но и социально отличные «свои» — бездомные, представители других молодежных субкультур (типа панков и рэперов — поклонников западной музыки и эпатазирующих «прикидов» и причесок). Характерно, что эта лежащая, казалось бы, на поверхности мысль чаще озвучивается не исследователями проблемы ксенофобии, но общественными деятелями, политиками или даже обывателями. Так, руководитель Департамента общественных связей Федерации еврейских общин России (ФЕОР) Борух Горин в связи с осквернением владивостокской синагоги 26 октября 2006 г. отметил: «толпа радикалов, построенная в колонны, может быть натравлена умелыми манипуляторами на кого угодно» [4]. Ту же, в сущности, мысль сформулировал читатель с форума интернет-версии газеты «Ведомости» при обсуждении вопроса «как противостоять национализму?»: «Бороться нужно не с чеченскими или русскими националистами, а с бандитами. Не все ли равно, какой национальности субъект вас бьет арматурой? Можно подумать, русские отморозки бьют только индийцев или таджиков. Это у них способ самовыражения такой, а “национализм” лишь облагораживает их действия, придает им идеологический подтекст. То есть они теперь себя чувствуют не бандитами, а защитниками обижаемых русских...» [6].

Если внимательно приглядеться к так называемым «проявлениям ксенофобии и национализма» в различных регионах РФ, то ситуация, представляемая правозащитниками и СМИ как «нарастание» проблемы, распадается на ряд совершенно локальных ситуаций, имеющих не только свои особенности, но и свои конкретные причины. Радикальные молодежные организации и группы различного рода действуют в разных городах, как правило, совершенно независимо друг от друга, даже в том случае, когда их лидеры ориентированы на какую-то общероссийскую структуру типа РОНСа (Российский общенациональный союз) или ДПНИ. Идейных националистов во всей Российской Федерации — единицы. Большинство же тех, чью деятельность

СМИ представляют как часть единого движения скинхедов, — это группы агрессивно настроенных подростков (чаще всего — из социально неблагополучных семей), которые выплескивают свою агрессию не только, но *в том числе* и на фенотипически отличных, а потому наиболее заметных в толпе людей «неславянской внешности». Таких подростков часто используют в своих целях не только идеологи националистических организаций, но и представители местных властей и милиции, для которых скинхеды нередко оказываются удобным средством решения проблем административного управления, в том числе — воздействия и контроля над нелегальными мигрантами. Что касается немногочисленных и наиболее одиозных идеологов русского национализма — круг их истинных последователей неширок, а влияние весьма локально и распространяется на незначительную часть населения, не превышающую признанную психологами ряда стран Западной Европы стандартную долю радикально и агрессивно настроенных граждан, имеющихся в любом обществе. И если бы правозащитники и журналисты в ходе борьбы со злом по имени «ксенофобия» не создавали адептам «русской идеи» бесплатной рекламы, то их имена вряд ли вообще были бы знакомы широкой публике.

Таким образом, страшная картина скинхедского нашествия на российские города в большей степени — плод фантазии «экспертов» по проблемам ксенофобии и тиражирующих их мнения журналистов, чем реальность. В такой же степени мифом являются и кошмары оппозиционного «лагеря» — о нашествии мигрантов. В результате созданные теми и другими (правозащитниками и праворадикалами) виртуальные образы Врагов начали жить реальной жизнью — «война» вышла на улицы, воплотилась в националистических нападениях, убийствах и массовых драках, которые, начавшись как бытовые, часто «с помощью» СМИ, виртуально приобретали характер «межэтнического» конфликта (как это было с ситуациями в селе Яндыки Астраханской области в августе 2005 г., селе Харагун Иркутской области в мае 2006 г., г. Кондопоге Республики Карелия в августе 2006 г., в Ставрополе в мае 2007 г., в Москве — в июне 2007 г. и т. д.)⁵.

Вслед за правозащитниками и журналистами панике начали поддаваться и представители власти, что выражалось в заявлениях, подобных этому: «В столице... наблюдается всплеск националистических нападений — к такому выводу пришли в прокуратуре Москвы на основе собственной статистики. Как сообщили... следователи, на учете в милиции сегодня стоит уже более 20 московских организаций, призывающих к национальной нетерпимости. Правоохранители и эксперты ожидают предвыборного взрыва активности экстремистов

⁵ В последнее время интерес к этой теме несколько упал, и даже правозащитники отмечают снижение активности скинхедов-неонацистов. См.: [15, с. 5].

и утверждают, что в этом году число ЧП с их участием может побить все рекорды» [13].

В реальности, согласно опросам общественного мнения, уровень агрессивно-ксенофобических настроений среди россиян невысок, число граждан, не просто имеющих негативные установки в отношении «Других», но готовых к «решительным» действиям в отношении представителей определенных групп или испытывающих к ним острое неприятие, колеблется, по разным оценкам, от 3 до 7%. Как отметил руководитель социального отдела Института общественного проектирования (ИнОП) Михаил Тарусин, представляя итоги социологического исследования института, «проблемы ксенофобии и межнациональных конфликтов в России искусственно раздуты журналистами» [9]. По результатам исследования ИнОП, «обострением межнациональных конфликтов» обеспокоены только 2,8% опрошенных. Согласно данным другого опроса, проведенного социологами МГУ, проблемой лиц «неславянской» внешности озабочены менее 3% опрошенных респондентов. По данным фонда «Общественное мнение», 21% респондентов в 2006 г. согласились с тем, что испытывают «раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности» (эта цифра сократилась с 32% — в 2002 г.), и только 7% указали на «неприязнь... к выходцам из Африки, к людям с темным цветом кожи, приехавшим в Россию» [9].

По мнению директора Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерия Федорова, ксенофобические настроения распространены в России не больше, чем в западноевропейских странах, где в последние годы активно пересматриваются ценности мультикультурализма, на смену им приходит приоритет интересов «национального большинства». Директор ВЦИОМ считает, что эта общая для Европы тенденция вызвана прежде всего ростом миграции во все европейские страны, усилившей экономические страхи населения. Комментируя данные опроса ВЦИОМ, согласно которым «76% россиян хотят, чтобы следующий президент более жестко проводил политику в интересах русских», В. Федоров отметил, что подобные настроения, как и в Европе, вызваны прежде всего опасениями «конкуренции на рынке труда со стороны приезжих» [22].

Итак, подведем итоги. В век развития информационных технологий такие явления, как ксенофобия, национализм, расизм зачастую возникают и распространяются в обществе вследствие не столько реальных причин и наличия почвы для конфликта, сколько причин виртуальных — «нагнетания обстановки» средствами массовой информации. СМИ способны не только усиливать ксенофобские настроения, но и создавать их на пустом месте, интерпретируя локальные,

часто бытовые, ситуации и конфликты как «этнические». Получая подобную «вторичную» информацию через СМИ, даже сами участники конфликта могут изменить свое видение его истинных причин под воздействием авторитетных мнений «экспертов» по «национальному вопросу».

Источником «этнизированных» интерпретаций различных событий и ситуаций с участием представителей культурных групп, транслируемых через СМИ, как правило, становятся не сами журналисты, а правозащитники. Именно участники неправительственных организаций (а также связанные с ними аналитики и эксперты), возложив на себя задачу борьбы с ксенофобией и национализмом, усугубляют, а подчас и создают эту проблему, вбрасывая в массовое сознание посредством СМИ образы противостояния или агрессии мифологизированных групп (мифы о «нашествии скинхедов», о растущей активности праворадикалов, о намеренной пассивности представителей власти, не желающих «бороться» с ксенофобами, а значит, тайно сочувствующих им, и т. д.). При этом объектами «борьбы», за редким исключением, становятся адепты русского национализма, а не национализма меньшинств.

Слишком пристальное внимание правозащитников к проблеме ксенофобии, а особенно попытки избирательной «борьбы» с ее проявлениями, только усугубляют ситуацию, провоцируя, в том числе, усиление активности праворадикальных организаций, защищающих «русскую идею».

Защитники прав «этнических меньшинств», с одной стороны, и «русской идеи» — с другой, при видимой полярности взглядов и деятельности, едины концептуально в своем понимании «этнических феноменов» (группоцентристский подход к «этничности», объективация «культурной отличительности», мифологизированная привязка моделей поведения индивида к «национальному характеру», а последнего — к фенотипу), что сближает их идеи и деятельность до зеркальности, когда левое и правое меняются местами, а изображение остается тем же. Праворадикалы выделяют объекты агрессии по принципу приписанной культурно-групповой принадлежности индивида, правозащитники, обвиняя оппонентов в ксенофобии, по тому же принципу вычленивают объекты защиты от ксенофобии. В основе такого деструктивного подхода — примордиалистская интерпретация «этнуса» как реально существующего целого, наделенного, помимо общих культурных и прочих характеристик, еще и общими правами, а значит, способного подвергаться коллективной дискриминации (нарушению прав). К сожалению, этот подход со времен СССР и до сих пор остается в России доминирующим даже в профессиональном научном дискурсе. Неудивительно, что правозащитники и журналисты, в большинстве своем не имеющие специальной подготовки и незнакомые с современными теоретическими концепциями в западной этнологии и антропологии, отрицающими «объективность» этнических

феноменов, подпадают под влияние устаревшей парадигмы мышления, давно не отвечающей современным реалиям — размыванию культурных границ между группами, «многослойным» и изменчивым идентичностям индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агамиров К., Егорова А.* Дискриминация цыган происходит при участии властей и СМИ // Радио «Свобода». 2006. 20 апреля.
2. *Арутюнян Ю.* На страже Вавилона // Политический журнал. 2005. 27 июня. № 23 (74) [<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=3774&issue=109>].
3. В Москве участились убийства уроженцев Кавказа // Кавказский узел. 2007. 11 декабря [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/1203411.html>.
4. Во Владивостоке осквернена синагога // Newsru.com. 2006. 26 октября [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://www.newsru.com/russia/26oct2006/sinagoga.html>.
5. Всероссийский Азербайджанский Конгресс протестует против национализма в России // ИА Regnum. 2006. 6 июля.
6. Ведомости. 2006. 29 сентября [<http://www.vedomosti.ru>].
7. *Гудков Л.* Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. № 6 (ноябрь–декабрь).
8. Завершился судебный процесс над издателем-националистом В. Корчагиным // Сайт ИАЦ «СОВА». 2004. 18 октября [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://www.xeno.sova-center.ru/45A2A1E/45B96F>.
9. *Захаров П.* Эксперт: «Ксенофобия и шовинизм — искусственно раздутые проблемы» // КМ.Ru. 2006. 10 ноября [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=3C3B9F2547CD41E785DF27ABBBA79340>.
10. *Кельберг А.А.* Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Сер. 6. Вып. 2 (№ 13).
11. *Кожевникова Г.* Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году. Ежегодный отчет информационно-аналитического центра «СОВА» // Сайт ИАЦ «СОВА». 2006. 6 февраля [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://www.xeno.sova-center.ru/29481C8/6CEEC08#r4>.
12. *Кон И.С.* Многоцветье мира и черно-белое зрение // Сексология. Персональный сайт И.С. Кона [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://www.sexology.narod.ru/info167.html>.
13. *Корчмарек Н.* Столичная прокуратура заявила о резком росте националистических нападениях в городе // Новые известия. 2007. 12 ноября [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://www.newizv.ru/news/2007-11-12/79568/>.
14. *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2005.

15. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 г. Сб. ежегодных докладов информационно-аналитического центра «СОВА». М., март, 2010.
16. Малахов В.С. Скромное обаяние расизма // Демоскоп. 2006. 6–19 февраля [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0233/analit03.php>>.
17. Против азербайджанского экстремизма! Протест в связи с разгулом ксенофобии и национализма со стороны азербайджанцев, находящихся в России // Гражданская самооборона (национал-патриотический сайт). Б.д. [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: (<http://komitet.rusunion.ru/news.php?readmore=1554>).
18. Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации: Методические рекомендации для работников правоохранительных органов / А.А. Леонтьев и др.; Под ред. Т.П. Толстовой. М.: Смысл, 2003.
19. Розальская М. Образ чукчи в анекдотах (к вопросу о формировании обобщенного образа одного или нескольких народов в массовом сознании) // Интернет-журнал «Антифашистский мотив» (Санкт-Петербург). № 1. Б.д. № 1 (18) [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <[http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artn18\(1\)/N18_08.htm](http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artn18(1)/N18_08.htm)>.
20. Сайт Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <<http://www.dpni.org/2007.7декабря>>.
21. Степанищев С., Чарный С. Национализм, ксенофобия, антисемитизм в Государственной Думе РФ: Обзорный доклад Московского бюро по правам человека // Религия и СМИ. 2005. 9 февр. [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <http://www.religare.ru/print7637.htm/_http:/document14408.htm>.
22. Тульский М. В России ксенофобии не больше, чем в Европе // Сайт Всероссийского Центра изучения общественного мнения. 2006. 3 июля [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <<http://wciom.ru/novosti/v-centre-vnimanija/publikacija/single/2844.html>>.
23. Чарный С. О русофобии явной и мнимой: Аналитический доклад Московского бюро по правам человека. 2005 [online]. Дата обращения 21.06. 2010. URL: <<http://babr.ru/index.php?pt=news&event=v1&IDE=25370>>.
24. Шнирельман В. А. Очерки современного расизма. Петрозаводск: Скандинавия, 2006.